Диана. The Crown

Автор:
Эндрю Мортон

Диана. The Crown

Эндрю Мортон

Икона при жизни, легенда после смерти, Диана продолжает очаровывать даже спустя двадцать пять лет после той ужасной ночи в Париже. Сенсационная биография леди Ди, «королевы людских сердец», написанная в тесном сотрудничестве с принцессой Уэльской, впервые раскрыла тайны ее противоречивой жизни.

Автор книги Эндрю Мортон – один из самых известных мировых биографов, главный эксперт по знаменитостям и членам королевской семьи.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Эндрю Мортон

Диана

The Crown

* * *

© Andrew Morton, 2017

© Michael O’Mara Books Limited 1997, 2017

© Мадина Абдуллабекова, перевод, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Благодарности

Эту биографию можно считать уникальной хотя бы потому, что история, рассказанная на этих страницах, никогда бы не появилась, если бы не полное и всеобъемлющее сотрудничество Дианы, покойной принцессы Уэльской. Эта история основана на длительных, зафиксированных на пленку интервью с Дианой, которые были дополнены рассказами ее семьи и друзей. Как и Диана, они говорили честно и откровенно, несмотря на то, что это могло означать отказ от укоренившихся привычек к осмотрительности и преданности, неизменно порождаемых близостью к королевской семье. И поэтому моя благодарность им за сотрудничество еще более сильная и искренняя.

Также я очень благодарен брату принцессы Уэльской Чарльзу, 9-му графу Спенсеру, за его рассказы и воспоминания о сестре, в особенности о ее детстве и юности.

Также я признателен баронессе Фалкендер, Кэролайн Бартоломью, Сью Бичи, доктору Джеймсу Колтерсту, Джеймсу Гилби, Малкольму Гроувсу, Люсинде Крейг Харви, Питеру и Нилу Хиклингам, Феликсу Лайлу, Майклу Нэшу, Делиссе Нидхэм, Адаму Расселу, Рори Скотту, Анджеле Сероте, которая в настоящее время является баронессой Бернштейн из Крэйгвейла, Мюриэл Стивенс, Уне Тоффало и Стивену Твиггу.

Выражаю признательность профессору Джону Тейлору и доктору Франку Прочаске за их идеи и размышления на тему наследия монархии и ее будущего.

Есть и те, чье положение в обществе не позволяет мне публично признать их помощь. Но их неустанные консультации поистине бесценны.

Благодарю моего издателя Майкла О’Мару за его наставления и поддержку на этом сложном пути от идеи и до самого конца, результатом которого стало большое количество изданий, рассказывающих о трагически-неизбежном пути Дианы.

Признательность за фотографии

В марте 1992 года отец принцессы Уэльской Джон Спенсер, 8-й граф Спенсер, незадолго до своей кончины любезно предоставил доступ к личным семейным фотоальбомам. Многие фотографии, представленные в этой книге, как раз из этих альбомов. Выражаю глубокую признательность за этот щедрый вклад.

Источники всех остальных фотографий представлены в сопроводительной надписи.

Предисловие

Сложно поверить в эту историю даже спустя 25 лет. Голливудские продюсеры пренебрегли бы ею, будь она сюжетом для фильма, за неправдоподобность: красивая, но несчастная принцесса, неизвестный писатель, дилетант-посредник и книга, которая изменила бы жизнь принцессы навсегда.

В 1991 году принцессе Диане исполнилось 30 лет. Всю свою сознательную взрослую жизнь она была в центре всеобщего внимания. В 1981 году архиепископ Кентерберийский описал брак Дианы с принцем Чарльзом как «сказку». В народном воображении принц и принцесса, благословленные двумя маленькими сыновьями, принцами Уильямом и Гарри, были образцовым лицом Дома Виндзоров.

Сама идея о том, что их десятилетний брак находится на грани катастрофы, казалась немыслимой – даже для печально известной своим воображением бульварной прессы. Издание «Сандей Миррор», описывая их совместную поездку в Бразилию, совершенную в том же году, охарактеризовало пару как «единый

фронт против всего мира», подчеркивая, что их близость вызывала «мурашки восхищения» среди многочисленных представителей средств массовой информации.

Вскоре после этого мне пришлось узнать чистую правду. Неожиданным было и место этого необычайного разоблачения: это было простое кафе, где обедали рабочие, в малоизвестном пригороде Лондона Райслипе. В то время как клиенты жадно поедали яичницу с беконом и запеченные бобы, я надел наушники, включил потрепанный диктофон и с нарастающим изумлением слушал неповторимый голос Дианы, которая изливала в стремительном потоке сознания свою печальную историю. Это было похоже на визит в другую вселенную, где принцесса рассказывает о том, как она несчастна, об ощущении предательства, о своих попытках самоубийства и двух вещах, о которых я раньше никогда не слышал: нервной булимии (расстройстве пищевого поведения) и женщине по имени Камилла.

Я вышел из кафе в растерянности, едва способный поверить в то, что услышал. Словно бы меня приняли в тайный клуб, который охраняет секрет. Страшный секрет. В тот вечер по пути домой я держался как можно дальше от края платформы в метро, пока мое подсознание окутывала та же паранойя, которую я испытал после просмотра фильма «Вся президентская рать»[1 - В оригинале: All the President’s Men – фильм, выпущенный на экраны в 1976 году. – Прим. пер.], рассказывающего о президенте Никсоне, проникновении в отель «Уотергейт» и последующем расследовании Вудворда и Бернстайна.

Вот уже почти десять лет я писал о королевской семье и был частью медийного цирка, который вел хронику их деятельности во время поездок по всему миру. Как говорили члены так называемой «королевской крысиной стайки»[2 - В оригинале: royal ratpack. Так называют группу журналистов и/или фотографов, которые бестактно и агрессивно преследуют знаменитостей. – Прим. пер.], эти поездки были самым веселым из того, что можно сделать одетым. Множество раз я встречался с принцем Чарльзом и принцессой Дианой на приемах для прессы, которые проводились в начале каждого тура. Разговоры с принцессой были легкими, яркими и банальными: обычно речь заходила о моих пестрых галстуках.

Однако жизнь королевского репортера не была одним сплошным развлечением. За кулисами королевского театра скрывалась масса упорной работы, налаживания контактов в стенах Букингемского и Кенсингтонского дворцов, где

принц и принцесса Уэльские занимали апартаменты восемь и девять, с целью выяснить, как выглядит королевская жизнь без прикрас Имея опыт написания книг о различных дворцах, богатстве королевской семьи и биографии герцогини Йоркской, а также и других работ, я был достаточно хорошо знаком с королевскими друзьями и придворными и полагал, что прекрасно понимаю, что происходит за кованными железными королевскими воротами. К такому я был не готов.

Мое приобщение к истине произошло только благодаря человеку, ответственному за запись на этом диктофоне. Впервые я встретился с доктором Джеймсом Колтерстом в центре Лондона, в октябре 1986 года, во время обычного королевского визита: он сопровождал Диану после того, как она торжественно открыла новый компьютерный томограф в рентгенологическом отделении в больнице Святого Томаса[3 - В православии святой Фома. – Прим. пер.]. Позже, за чаем с печеньем, я расспросил его о визите Дианы. Вскоре выяснилось, что Колтерст, выпускник Итонского колледжа и сын баронета, семья которого более века владеет замком Бларни в Ирландии, знает принцессу уже много лет.

Я решил, что это может быть полезным знакомством. Мы подружились, сыграв в сквош на кортах Святого Томаса, прежде чем отправиться на обед в итальянский ресторан, расположенный неподалеку. Болтливый, но рассеянный Джеймс был очень рад поговорить о чем-нибудь, кроме принцессы. Безусловно, он был знаком с ней достаточно хорошо, чтобы навещать ее, когда она еще была незамужней девушкой, жившей со своими подругами в Колхерн-Корте в Кенсингтоне, и слушать, как она вздыхала по принцу Чарльзу. Они с компанией друзей даже как-то съездили во Францию покататься на лыжах. Когда она возвысилась до статуса принцессы Уэльской, вся свойственная ей легкая фамильярность была утеряна. Диана все так же с нежностью говорила о своем Колхерн-Корте, но уже в прошедшем времени.

Колтерст и принцесса возобновили свою дружбу только после ее визита в больницу Святого Томаса и теперь время от времени встречались за обедом. Со временем и его приняли в тайный клуб, позволявший заглянуть в реальную жизнь, которая выпала на долю принцессы, и это уже была не сказка. Было совершенно ясно, что ее брак потерпел неудачу, как и то, что у ее мужа был роман с Камиллой Паркер-Боулз, женой его армейского друга Эндрю, который имел любопытный титул при королевском дворе: Silver Stick in Waiting[4 - Титул, схожий с должностью камергера. – Прим. пер.]. Миссис Паркер-Боулз, жившая

неподалеку от Хайгроув, загородного имения Уэльских, была так близка с принцем, что постоянно устраивала обеды и другие мероприятия для его друзей в его имении в Глостершире.

Хотя Колтерст и чувствовал, что ему доверили тайну, он был не единственным. От телохранителя, сопровождавшего принца во время его ночных визитов в дом Камиллы в Мидлвик-хаус, до дворецкого и шеф-повара, которым было приказано готовить и подавать ужин, к которому, как им было известно, он не притронется, так как отправился на встречу с любовницей. И до камердинера, который отмечал программы в телегиде «Радио Таймс», чтобы создать впечатление, словно принц провел спокойный тихий вечер дома. Все, кто работал на принца и принцессу, были вовлечены в обман, пусть и зачастую против своей воли. Камердинер принца Кен Стронах страдал от этой ежедневной лжи, их пресс-секретарь Дики Арбитер, по его словам, оказался в «невыносимом положении», поддерживая во всем мире иллюзию счастливой семьи, закрывая глаза на личную дистанцию между ними.

В июне 1990 года, когда принц Чарльз сломал руку во время игры в поло и был доставлен в больницу Сайренсестер, его подчиненные внимательно слушали полицейские радиосводки, которые сообщали о перемещениях принцессы Уэльской по пути из Лондона в больницу. Они прекрасно понимали, что до прибытия Дианы им необходимо вывести первого посетителя принца – Камиллу Паркер-Боулз.

Все, кто был посвящен в эту тайну, понимали, что кипящий котел обмана, уловок и двуличия рано или поздно выплеснется. Каждый день они спрашивали себя, как долго может продолжаться заговор с целью обмана будущей королевы. Возможно, бесконечно. Или до тех пор, пока принцесса не будет сведена с ума теми, кому она доверяла, кем она восхищалась, кто вновь и вновь говорил ей, что Камилла – всего лишь подруга. Все полагали, что ее подозрения были неуместны, всего лишь воображение «глупышки», как говорила королева-мать своему окружению.

Спустя много лет, в своем знаменитом телеинтервью в программе BBC Panorama Диана объясняла: «Друзья моего мужа указывали на то, что я вновь нестабильна, больна и меня стоит поместить в какое-нибудь заведение, чтобы мне стало лучше. Я была почти что позором для них».

Подозрения Дианы были не только далеки от бреда сумасшедшей, но и полностью оправдались, и болезненное осознание того, что ее повсеместно обманывал не только ее муж, но и все те, кто принадлежал к королевской свите, привело к абсолютному и вполне объяснимому недоверию и презрению ко всему истеблишменту. Это была позиция, которая определила ее поведение на всю оставшуюся жизнь.

Пока Колтерст увлеченно поедал свою котлету по-киевски, он наблюдал за тем, как Диана играла с увядшими листьями салата и со смесью ярости и печали рассказывала о своем все более невыносимом положении. Она пришла к пониманию того, что, если она не предпримет радикальных действий, то будет пожизненно заперта в оковах безысходности и лжи. Ее первой мыслью было собрать чемоданы и сбежать в Австралию вместе со своими малышами. Подобная мысль была отголоском поведения ее собственной матери Фрэнсис Шанд Кидд, которая после болезненного развода с отцом Дианы, графом Спенсером, жила практически затворницей на мрачном острове Сейл на северо-западе Шотландии.

Однако такая позиция была лишь бравадой и ничего не решала. Главным вопросом было: как дать понять публике ее точку зрения на эту историю, пока будут распутываться юридические, эмоциональные и конституционные узлы, которые держали ее привязанной к монархии. Это было действительно затруднительное положение. Если бы она просто собрала свои вещи и уехала, общественность и СМИ, которые твердо верили в сказку, сочли бы ее поведение неразумным, истеричным и в крайней степени неподобающим. Казалось бы, она сделала все, что было в ее силах, чтобы решить эту проблему. Она говорила с Чарльзом и была проигнорирована. Затем говорила с королевой, но тоже натолкнулась на глухую стену.

Мало того, что она считала себя пленницей, запертой в горьком, несостоявшемся браке, но также ощущала на себе оковы совершенно нереалистичных публичных представлений о своей королевской жизни, а еще антипатию королевской элиты, которой, по ее словам, правили «серые кардиналы». Она чувствовала себя бесправной не только как женщина, но и как человек. Внутри дворца к ней относились с любезной снисходительностью и видели в ней только изысканное украшение для своего титулованного мужа. «А пока Ее Королевское Высочество продолжит выполнять лишь небольшую часть своих обязанностей, но будет выполнять их наилучшим образом», – прокомментировал ее личный секретарь на встрече, которая была посвящена обсуждению будущих обязательств.

Помните, это была та самая женщина, которая в 1987 году сделала больше, чем кто-либо другой, для избавления от клейма, связанного со смертельным вирусом СПИДа, пожав руку неизлечимо больному пациенту в лондонской больнице Мидлсекс. Диана видела себя в гуманитарной деятельности, хотя она и не могла это выразить в полной мере, и это выходило за рамки унылого круга традиционных королевских обязательств.

Стоило ей только выглянуть из своей одинокой тюрьмы, не проходило и дня, как раздавался звук очередной захлопывающейся двери или скрежет очередного запертого замка, в то время как придуманная сказка все больше приукрашивалась в сознании общественности. «Она чувствовала, как над ней закрывается крышка, – позже вспоминал Колтерст. – В отличие от других женщин, у нее не было той свободы, чтобы уехать вместе с детьми».

Подобно узнице, осужденной за преступление, которого не совершала, Диана отчаянно нуждалась в том, чтобы рассказать миру правду о своей жизни, о страданиях, которые она испытывала, и о своих амбициях. Ее чувство несправедливости было абсолютным. Проще говоря, она хотела свободы высказывать свое мнение, возможности рассказать людям всю историю своей жизни и, исходя из этого, позволить им судить ее.

По какой-то причине Диана чувствовала, что, если у нее будет возможность изложить свою историю людям, своему народу, те действительно смогут понять ее, пока не стало слишком поздно. «Пусть они будут моими судьями», – сказала она, будучи уверенной, что публика не будет критиковать принцессу так же безжалостно, как это делала королевская семья или СМИ. Тем не менее желание рассказать свою правду сопровождалось мучительным страхом, что в любой момент ее враги из дворца могут счесть ее душевнобольной и упрятать под замок. И это не было безосновательным страхом: когда в 1995 году интервью Дианы показали в программе BBC Panorama, Николас Соумс, на тот момент действующий министр вооруженных сил, близкий друг принца Чарльза и в прошлом его конюший, назвал ее поведение «паранойей в острой фазе».

Постепенно Диана и ее ближайшее окружение осознали, что до тех пор, пока история ее жизни не будет рассказана, общественность никогда не осознает и не поймет мотивов, которые побудили принцессу к тем действиям, решение о которых она приняла. Она обдумывала несколько вариантов: от заказа серии газетных статей до создания телевизионного документального фильма и публикации своей биографии. Диана знала, что хочет сказать; она изо всех сил

пыталась найти посредника, через которого она сможет это сделать.

Как она тогда могла тайно передать свое послание внешнему миру? Анализируя социальный ландшафт Британии, она увидела, что у ее истории существует всего лишь несколько выходов. Виндзоры – самая влиятельная семья в стране, ее щупальца плотно обвивают тех, кто принимает решения на телевидении и в прессе. Авторитетные СМИ, такие как BBC, ITV, и так называемые солидные издания подверглись бы всеобщей критике, если бы Диана дала понять, что хочет, чтобы они опубликовали правду о ее положении. Опять-таки, если бы ее история появилась в бульварной прессе, высшее общество опровергло бы ее, назвав преувеличенным вздором.

Что же делать? В небольшом кругу ее близких друзей переживали по поводу душевного состояния Дианы, некоторые опасались за безопасность принцессы. Было известно, что в прошлом она предпринимала несколько нерешительных попыток самоубийства, и по мере нарастания ее отчаяния друзья искренне беспокоились, что она может свести счеты с жизнью. Переживания смягчала лишь уверенность, что в конечном итоге любовь к своим детям никогда не приведет ее на этот путь.

Тогда она знала, что я изучаю ее биографию, и была вполне довольна более ранней работой «Дневником Дианы»[5 - Речь идет о другом произведении автора – Diana’s Diary: An Intimate Portrait of the Princess of Wales, 1990 год. – Прим. пер.]. Главным образом потому, что эта книга раздражала принца Уэльского подробным описанием интерьера Хайгроува. Пока я собирал сведения для «Дневника…», уже слышал намеки и слухи о том, что не все так хорошо в мире Уэльских. Эти разговоры были лишь пресной закуской перед грозящим несварением пиршеством информации, которое нас ожидало.

Диана постепенно проверяла меня, конечно, не ставя об этом в известность. Она ясно дала понять Колтерсту, что не против того, чтобы он делился со мной крошечными кусочками информации. В марте 1991 года он позвонил мне из телефонной будки откуда-то с южной окраины Ирландии и сообщил, что уволен личный секретарь принца Чарльза сэр Кристофер Эйри. Вышедшая в результате статья в газете «Сандей Таймс» привела Диану в тихий восторг от осознания, что она тайно произвела собственный залп в сторону собственного мужа. Были и другие проверки, которые хоть и не были загадками принцессы Турандот из оперы Пуччини, но требовали успешного разрешения.

Диана хотела сменить своего давнего парикмахера Ричарда Далтона и вновь попробовать завивку. Вопрос состоял в том, как лучше тактично отказаться от его услуг без участия газет, которым тот мог бы продать свою историю. Мы с Колтерстом посоветовали написать Далтону честное и открытое письмо, купить ему дорогой подарок и отправить все на его адрес. Простая стратегия сработала.

В то время я просто не понимал, что эти пустяковые, но самостоятельные решения и акты неповиновения давали женщине, которая жила в системе, где каждое важное решение принималось кем-то другим, чувство контроля. Для нее это было каким-то невероятным освобождением.

В какой-то момент она спросила Колтерста: «Эндрю хочет получить интервью?» Это было умопомрачительное предложение по любым меркам. Принцессы обычно не дают интервью, в особенности это касается самых обсуждаемых и часто фотографируемых принцесс эпохи. Это было за несколько дней до ее исповеди на программе BBC Panorama и до того, как принц Чарльз выступил на телевидении с признанием своей супружеской неверности с миссис Паркер-Боулз. Это было просто неслыханно.

Через несколько дней после предложения Дианы Колтерст позвал меня в то самое кафе для рабочих в Райслипе, чтобы дать прослушать отрывок истории, которую она должна была рассказать. Я предполагал, что это будет несколько коротких предложений о ее благотворительной деятельности и идей о ее гуманитарных целях. Снова ошибся.

Сделав заметки о ее попытках покончить с собой, расстройствах пищевого поведения, супружеской неверности ее мужа с женщиной по имени Камилла, я немедленно отправился к своему издателю Майклу О’Мара. Закурив перед обедом сигару, он выслушал краткий пересказ моей встречи. Затем, подозревая Колтерста в искусном мошенничестве, он заявил: «Если она так несчастна, то почему она всегда улыбается на фотографиях?»

Мы подошли к сути вопроса. Если я собирался плыть против течения общественного мнения в отношении принцессы Уэльской и ее супруга, мне нужна была помощь. Несколько сделанных на изношенный магнитофон записей на потертой пленке не подходят. Было необходимо сотрудничество принцессы, насколько это только возможно, для написания биографии, которая расскажет историю всей ее жизни, а не только королевской карьеры, и это позволит найти

место ее тревогам, надеждам и мечтам в рамках истории. Во всех отношениях книга, ставшая результатом этого сотрудничества, была ее автобиографией, личным свидетельством женщины, которая в то время считала себя не имеющей ни права голоса, ни сил.

Изначально участие Дианы в этом проекте выразилось в немедленном и наивном энтузиазме, поскольку она задавалась вопросом: сколько дней понадобится для публикации книги? Основным камнем преткновения стала проблема: как проводить интервью с Дианой. Не могло быть и речи о том, чтобы поговорить с принцессой напрямую, хоть я этого очень хотел. Ростом шесть футов четыре дюйма[6 - Примерно 1,95 м. – Прим. пер.] и известный дворцовому персоналу писатель, я едва ли остался бы незамеченным. Как только становилось известно, что в Кенсингтонский дворец прибыл журналист, а принц Чарльз проживал в резиденции лишь номинально, тут же поднимался переполох, и Диану удерживали от дальнейших опрометчивых поступков.

Различные уловки и ухищрения были единственным способом обойти вечно бдительное королевское общество. В этом также убедился и телевизионный журналист Мартин Башир, который брал интервью у принцессы позже. Так, в ноябре 1995 года, тихим воскресным днем он тайно провел свою съемочную группу в Кенсингтонский дворец, пока все сотрудники отсутствовали.

В моем случае с Дианой беседовало доверенное лицо, Джеймс Колтерст, который был идеальным агентом для выполнения этой деликатной и, как оказалось позднее, исторической миссии. Колтерст, вооружившись подготовленным мной списком вопросов и своим диктофоном, забрался на свой велосипед и с беспечным видом покатил по подъездной дорожке Кенсингтонского дворца. В мае 1991 года он провел первое из шести записанных на пленку интервью, которые продолжались все лето и осень и в конечном итоге навсегда изменили представление мира о принцессе и королевской семье.

Колтерст прекрасно помнит ту первую встречу: «Мы сидели в ее гостиной. Диана была одета довольно небрежно – в джинсы и синюю рубашку. Прежде чем начать, она сняла телефонную трубку и закрыла дверь. Когда нас кто-то прерывал стуком в дверь, она снимала с себя микрофон и прятала его межу подушек на диване».

«В первые двадцать минут того первого интервью она была очень счастлива и все время смеялась, особенно когда рассказывала о происшествиях в школьные

годы. Когда она добралась до серьезных вопросов, таких как попытки самоубийства, Камилла, ее булимия, она, несомненно, испытала чувство освобождения, душевного облегчения».

В самом начале их первого разговора Колтерст сказал ей: «Дай мне знать, если ты не захочешь касаться какой-то темы». Ее ответом было: «Нет-нет, все в порядке». Было очевидно, Диана хотела, чтобы мир узнал всю правду такой, как ее видела она.

Временами ее раздражало и приводило в ярость то, как ее муж и королевская система обращались с ней, и все же, несмотря на ранимое состояние, то, что рассказывала принцесса, было очень правдоподобным, как если бы кусочки пазла начали складываться в единую картинку. Глубоко укоренившееся и сильное чувство одиночества и отверженности, которое преследовало ее большую часть жизни, вышло на поверхность. Хоть ее детство и было привилегированным, оно было еще и несчастным. Диана описала безрадостную эмоциональную атмосферу, в которой она вспоминала о своей вине за то, что не родилась мальчиком, чтобы продолжить род; вспоминала слезы разведенной матери, одинокое молчание отца и всхлипывания брата Чарльза по ночам.

Интервью на расстоянии нельзя назвать совершенным методом, который позволял бы получить ответы немедленно, но многие вопросы были просто излишни, потому что стоило Диане только начать говорить, она едва переводила дыхание, чтобы поведать свою историю. Это было невероятным освобождением и своего рода исповедью. «Я была на пределе. Я была в отчаянии, – заявила Диана во время своего последующего телевизионного интервью. – Думаю, мне так надоело, что меня считали неудачницей, неспособной организовать собственную жизнь, потому что я очень сильный человек, и я знаю, что это и создает сложности для системы, в которой я живу».

Простой разговор о ее жизни вызвал множество воспоминаний, некоторые были радостные, другие было сложно передать словами. Подобно порыву ветра на пшеничном поле, ее настроение без конца менялось. Несмотря на то, что Диана была искренней и даже немного эксцентричной, когда рассказывала о своем расстройстве пищевого поведения, нервной булимии и неудачных попытках самоубийства, когда речь зашла о ее первых днях в королевской семье, она очень расстроилась. «Темные годы», – так она сама назвала это время.

Снова и снова Диана подчеркивала искреннюю веру в предназначение: веру в то, что она никогда не станет королевой, но что ей была уготована особая роль. В глубине души она знала, что ее судьба – идти по дороге, где монархия второстепенна по сравнению с ее истинным призванием. Оглядываясь назад, понимаешь, что в ее словах было поразительное предвидение.

Временами она забавно оживлялась, особенно когда речь заходила о ее короткой жизни незамужней девушки. С тоской в голосе рассказывала о своем романе с принцем Чарльзом, с печалью – о своем несчастном детстве и пылко – о влиянии Камиллы Паркер-Боулз на ее жизнь. На самом деле, Диана так хотела, чтобы ее не сочли параноиком или глупой, как ей часто повторяли друзья ее мужа, что показала нам несколько писем и открыток от миссис Паркер-Боулз, которые та прислала принцу Чарльзу, в качестве доказательств, что она не выдумала их отношения.

Эти любовные письма, полные страсти, нежности и желания, не оставили ни у меня, ни у моего издателя каких-либо сомнений, что подозрения Дианы были оправданны. Было совершенно очевидно, что Камилла, обращавшаяся к принцу Чарльзу «мой самый дорогой возлюбленный», была женщиной, чья любовь оставалась непоколебимой, несмотря на время и трудности, через которые ей приходилось пройти ради верности чувству. «Я ненавижу то, что не могу сказать, как сильно я люблю тебя», – писала миссис Паркер-Боулз, говоря, как сильно она хотела быть с Чарльзом и что она навечно принадлежит ему. Особенно хорошо мне запомнился один яркий отрывок, в котором говорилось: «Моя душа и тело тянутся к тебе».

Тем не менее, как нам сообщил ведущий адвокат по делам, связанным с клеветой, в соответствии со строгим британским законодательством, тот факт, что вы знаете что-то и знаете, что это правда, не дает права говорить об этом всем. Несмотря на неопровержимые доказательства, к огромному раздражению Дианы, в то время я не мог написать, что принц Чарльз и Камилла Паркер-Боулз были любовниками. Вместо этого мне пришлось сослаться на «тайную дружбу», которая бросила мрачную тень на королевский брак. Что более важно, возможно, и Диана поняла, что после прочтения этой тайной переписки любые надежды на сохранение ее десятилетнего брака, которые она могла питать, были полностью обречены.

Несмотря на то, что она была вовлечена в проект и полна энтузиазма, обсуждение сложных неразрешенных вопросов, особенно об отношениях ее

мужа с миссис Паркер-Боулз, часто оставляли ее опустошенной.

Поскольку я работал дистанционно, мне приходилось лишь догадываться о ее настроении и действовать соответственно. Как правило, по утрам принцесса была наиболее подвижной и энергичной, особенно если принц Чарльз отсутствовал. Такие интервью были самыми продуктивными: Диана говорила, торопясь и задыхаясь, изливая свою историю. Она могла быть пугающе жизнерадостной, даже когда говорила о самых интимных и трудных периодах своей жизни.

После того как Диана впервые рассказала о своих попытках самоубийства, мне, естественно, нужно было знать гораздо больше о том, когда и где они произошли. Впоследствии я передал ей множество вопросов касательно этой темы. Когда ей представили список, она восприняла это как шутку. «Он довольно хорошо написал мой некролог», – сказала она Колтерсту.

С другой стороны, если интервью было запланировано на вторую половину дня, когда она была практически без сил, разговор был менее плодотворным. Особенно это было ощутимо, если пресса негативно высказывалась в ее адрес или принцесса ссорилась с мужем. Как правило, в таком случае лучше было сосредоточиться на счастливых временах, воспоминаниях юности или на ее двух детях, принцах Уильяме и Гарри. Несмотря на все эти трудности, по прошествии нескольких недель стало ясно, что ее воодушевление и вовлеченность в процесс только росли, в особенности когда дело дошло до принятия решения о названии книги. Например, если бы она знала, что я беру интервью у доверенного круга друзей, она бы сделала все, что могла, чтобы помочь, передавая очередной клочок информации, новую забавную историю или исправление, касающееся вопросов, заданных мной ранее.

Хотя она отчаянно, почти до неосторожности, хотела, чтобы ее слова дошли до широкой публики, это настроение сдерживалось опасением, что Букингемский дворец раскроет ее личность как секретный источник, если хотите, «Глубокую глотку»[7 - «Глубокая глотка» – информатор в Уотергейтском скандале (фильм «Вся президентская рать»), о котором автор упоминает и далее. – Прим. ред.] моей книги. Мы понимали, что Диане необходимо отрицать свою причастность, чтобы, если ее спросят: «Вы встречались с Эндрю Мортоном?», она могла ответить только решительное «НЕТ». Фактически принцесса была последней, кто осознал важность отрицания, но, как только она узнала, что ее причастность будут крепко удерживать в тайне, она воодушевилась.

Первой линией такого отрицания были ее друзья, которых использовали как прикрытие, чтобы скрыть ее участие. Я разослал несколько писем ближайшим друзьям Дианы с просьбой об интервью, в то время как составлял вопросы для самой принцессы. Они, в свою очередь, связались с Дианой, чтобы узнать, стоит им сотрудничать или нет. Такая процедура время от времени повторялась. Интервью с одними она одобряла, с другими не давала однозначного ответа: все зависело от того, насколько хорошо они знакомы.

Многие их тех, кто знал настоящую Диану, искренне верили, что жизнь для нее не может стать хуже, утверждая: что угодно будет лучше, чем сложившаяся ситуация. Также было и ощущение того, что плотина может прорваться в любой момент и история может выйти на свет раньше, и если ее источником станет принц Уэльский, это, очевидно, будет не в пользу Дианы. В этой лихорадочной обстановке ее друзья говорили честно и откровенно, храбро осознавая, что своими действиями привлекут к себе нежелательное внимание СМИ. Позже они даже готовы были подписать документы, подтверждающие их причастность к книге, чтобы развеять сомнения Эндрю Нила, редактора «Сандей Таймс», который должен был опубликовать отрывки из книги. Позже Диана объяснила, почему ее друзья заговорили: «Многие люди видели то, как я жила в страдании, и они чувствовали: то, что они делают, – это способ поддержки».

Дебби Франк, ее подруга и астролог, подтвердила этот факт, когда рассказывала о жизни Дианы за несколько месяцев до публикации книги. «Были времена, когда я уходила со встречи с Дианой с чувством тревоги и беспокойства, потому что я знала, что она держит в себе. Я почувствовала облегчение, когда книга Эндрю Мортона была опубликована, потому что мир был готов узнать ее тайну».

По мере того, как мои интервью продолжались, ее друзья и знакомые подтверждали, что за улыбками на публике и очаровательным образом скрывается одинокая и несчастная молодая женщина, которая переживала брак без любви. В глазах королевы и остальных членов королевской семьи Диана была чужой и часто противоречащей целям и задачам монархии. И все-таки одним из обнадеживающих фактов в этой истории было то, как Диана с переменным успехом стремилась свыкнуться со своей жизнью, превращаясь из жертвы в женщину, которая контролирует свою судьбу. Это был процесс, который принцесса продолжала до самого конца.

После первого интервью с доктором Колтерстом Диана знала, что перешла личный Рубикон. Она избавилась от традиционного пути, выбранного для нее королевской семьей, и прокладывала свой собственный маршрут, имея лишь смутное представление о направлении. На самом деле она дистанционно разговаривала с человеком, которого едва знала, о вещах, которые могут разрушить ее репутацию в случае ненадлежащего использования полученной информации. По любым меркам это был на редкость безрассудный и отчаянно смелый поступок. И это принесло триумф.

В течение этого необычного года секретности и уловок О'Мара, я и Колтерст осознали, что не только пишем, изучаем и публикуем то, что должно было стать уникальным литературным монстром, «разрешенной неразрешенной» биографией, но и становились ее тайными придворными, ее наемными советниками. Все, от решения кадровых проблем до работы со средствами массовой информации, и даже подготовка речей для ее выступлений было под нашей эгидой.

Как вспоминает Колтерст: «Выступления значили для нее многое. Она поняла, что это та область, с помощью которой может донести свое собственное послание. Это дало ей чувство расширения прав, возможностей и достижений, потому что аудитория не просто оценивала ее одежду или прическу, а действительно слушала то, что она говорила. Обычно она звонила очень взволнованная, если о ней говорили на телевидении или радио, радовалась, когда ее хвалили или признавали ее идеи».

То время было забавным и волнующим для всех нас, каждого, кто помогал формировать будущее самой известной в мире молодой женщины прямо под носом Флит-стрит[8 - Флит-стрит – улица в лондонском Сити, на которой располагалось большинство офисов основных британских газет и информационных агентств. В переносном смысле – цитадель британской прессы. – Прим. ред.] и Букингемского дворца.

Пусть иногда бывали и светлые моменты, но это была игра с очень высокими ставками, где победитель получает все. Мои бывшие коллеги с Флит-стрит дважды предупреждали меня, что после серии достоверных статей о войне между принцем и принцессой Уэльскими в «Сандей Таймс» в Букингемском дворце велись усиленные поиски крота. Вскоре после одного такого предупреждения в мой офис вломились и рылись в моих текущих файлах, но ничего особенно важного не было украдено, за исключением камеры. С того

момента зашифрованные телефоны и местные телефоны-автоматы были единственным надежным способом, который позволял Диане чувствовать себя достаточно защищенной, чтобы говорить открыто. Для большей уверенности Диана «прочесала» свою гостиную в Кенсингтонском дворце в поисках подслушивающих устройств – ни одно из таких не было обнаружено – и регулярно измельчала каждый листок бумаги, который попадал на ее стол. Никому из королевской свиты она не доверяла. Или, если на то пошло, никому из всего королевского мира.

Она не была до конца откровенной даже с Джеймсом Колтерстом. В то время она была в гневе на своего мужа и его неверность, она скрывала тот факт, что у нее был длительный, хоть и эпизодический роман с майором Джеймсом Хьюитом, командиром танкового эскадрона во время первой войны в Персидском заливе, а также короткая интрижка со старым другом Джеймсом Гилби. Позже он был разоблачен как мужчина, чей голос был записан на печально известных кассетах Сквиджигейт (Squidgygate)[9 - В оригинале: Squidgygate или Dianagate – название, данное The Sun, с отсылкой к не менее нашумевшему Уотергейтскому скандалу. – Прим. пер.], на которых незаконным путем записаны телефонные разговоры между Гилби и принцессой на Новый, 1990 год. У нас также не было ни малейшего представления о ее увлеченности Оливером Хоаром, торговцем произведениями искусства, который был объектом ее любви и преданности во время написания книги.

Оглядываясь в прошлое, можно сказать, что от ее дерзости захватывало дух, и остается только гадать, хотела ли Диана первой опубликовать свою историю, чтобы избежать обвинений в разрушении брака. На этот вопрос никогда не найти правильного ответа. На самом деле, одним из самых непоколебимых и, вероятно, интригующих качеств Дианы была ее скрытность: не имело значения, насколько бы близкими не считали себя ее друзья, она всегда что-то скрывала, держа каждого как можно дальше от остальных.

По мере того как написание книги набирало обороты вместе с многочисленными телефонными разговорами между Колтерстом и принцессой о ее ежедневных житейских заботах, времени или желания, чтобы обдумать ее мотивы, было очень мало. Приоритетом было создание книги, которая точно, сочувственно и достоверно отражала бы ее личность. Учитывая шокирующий характер истории Дианы и секретность ее участия, книга должна была выглядеть достоверной и правдоподобной.

Первая серьезная проверка произошла, когда принцесса прочла рукопись, которую доставляли ей по частям при любой возможности. Подобная передача была самодеятельной и необдуманной операцией, впрочем, как и все, что было связано с этой книгой. Одним из таких примеров был случай, который произошел поздним субботним утром, когда для передачи последнего материала мне пришлось отправиться на велосипеде в посольство Бразилии в Мейфэре, где принцесса обедала с Лусией Флеча де Лаймой, супругой посла.

Разумеется, я очень хотел узнать, что справедливо и точно истолковал чувства и слова обожаемой миром женщины, чью историю мне посчастливилось написать.

К моему огромному облегчению, она все одобрила; в одном из интервью Диана призналась, что плакала от горя, так сильно была тронута пронзительностью собственной истории.

Она внесла ряд изменений в записанные факты и расставила акценты, но только одно имело значение: правка, которая дала представление о ее уважении к королеве. Во время интервью она рассказывала, как королева первой оказалась на месте происшествия, когда Диана бросилась вниз с лестницы в Сандрингеме, будучи беременной принцем Уильямом. В рукописи Диана изменила текст и добавила имя королевы-матери, предположительно, из уважения к монарху.

Оставались и другие трудности. В то время как некоторые близкие друзья Дианы были готовы подписать документы для подтверждения подлинности собственных слов, принцесса согласилась с тем, что книга нуждается в прямой связи с ее собственной семьей, чтобы сделать ее более достоверной. После небольшого обсуждения она согласилась предоставить фотоальбомы семьи Спенсер, которые содержали множество потрясающих портретов подрастающей Дианы. Многие из этих фотографий были сделаны ее покойным отцом, графом Спенсером.

Незадолго до его смерти принцесса отправила отцу короткую записку, в которой объясняла, почему она принимала участие в написании книги о своей жизни.

Я хотела бы попросить тебя об особом одолжении. А именно, я хотела бы, чтобы ты сохранил этот секрет между нами. Прошу тебя, сделай это.

Автор, оказавший мне особую услугу, сейчас пишет книгу обо мне как о Диане, а не как о принцессе Уэльской. Я полностью ему доверяю, и для того есть все основания. Он долгое время испытывал ощущение, что королевское общество затмило мою собственную жизнь, и он хотел бы написать подробную книгу обо мне как о личности.

Это шанс для меня, чтобы выплыть на поверхность, а не быть потерянной в системе. Для меня это скорее спасательный круг, чтобы не утонуть, и это невероятно важно для меня – я поняла это, когда показывала мальчикам альбомы – помнить, кем я являюсь.

После этого она навестила своего отца и попросила его предоставить семейные альбомы для книги, и – вуаля! – спустя пару дней несколько больших, красных, тисненных золотом семейных альбомов прибыли в южный Лондон, где располагался офис моего издателя. Несколько фотографий отобрали и скопировали, после чего альбомы были возвращены. Принцесса лично помогала опознавать людей, запечатленных с ней на снимках, и этот процесс очень ей понравился, поскольку вернул множество счастливых воспоминаний, особенно о ее подростковом возрасте.

Она оценила и то, что для того, чтобы сделать книгу по-настоящему особенной, на обложке должен быть снимок, не публиковавшийся ранее. Поскольку о ее участии в фотосессии не могло идти и речи, она лично выбрала и предоставила очаровательную фотографию, сделанную Патриком Демаршелье, для обложки. Она хранила ее в ящике рабочего стола в кабинете в Кенсингтонском дворце. Этот снимок, а также фотографии Дианы и детей, которые использованы в книге, были ее самыми любимыми. Мы выбрали неопубликованный раннее снимок Демаршелье для обложки юбилейного издания книги.

Это время было затишьем перед бурей. Книга должна была быть опубликована 16 июня 1992 года, и, по мере приближения назначенной даты, напряжение в Кенсингтонском дворце стало осязаемым.

Недавно назначенный личный секретарь принцессы Патрик Джефсон так описывал эту атмосферу: «словно наблюдаешь за медленно растекающейся лужей крови, просачивающейся из-под запертой двери». В январе 1992 года Диану предупредили, что Букингемский дворец осведомлен о ее сотрудничестве с автором книги, хотя на тот момент они не знали ее содержания. Несмотря на это, принцесса оставалась непреклонной в своем решении. Она знала, что в

ближайшем будущем грядет катастрофа, но не сомневалась, что справится с этим.

Примерно за полгода до публикации книги в письме Джеймсу Колтерсту она написала: «Очевидно, что мы готовимся к извержению вулкана, и я чувствую себя лучше подготовленной, чтобы преодолеть все, что встретится на нашем пути! Спасибо за твою веру в меня и за то, что нашел в себе силы понять меня – это такое облегчение понимать, что я больше не одинока и нормально быть мной».

Извержение вулкана началось 7 июня 1992 года, когда в «Сандей Таймс» появился первый фрагмент из книги под заголовком: «Диану довели до пяти попыток самоубийства из-за „безразличия“ Чарльза». Ниже следовал подзаголовок: «Крах брака привел к болезни; принцесса заявляет, что она не станет королевой».

Сейчас, когда история ее несчастной жизни является общепринятой точкой зрения, доказательством чему сегодня служит счастливый брак принца Чарльза и Камиллы Паркер-Боулз вот уже в течение 12 лет, сложно представить, с каким шоком, отвращением и изумлением встретили эти первые отрывки. Критика была суровой и безжалостной. Архиепископ Кентерберийский предупредил об ущербе, нанесенном сыновьям; один из членов парламента предложил заключить меня в лондонский Тауэр, а лорд Макгрегор, председатель комиссии по жалобам в адрес прессы, обвинил СМИ в том, что они «своими пальцами ковыряются в людских душах».

За фурором последовало осуждение, книга была отвергнута многими крупными книжными магазинами и супермаркетами, став самой запрещенной книгой в Великобритании 1990-х годов. Ирония всего этого действа состоит в том, что биографию, написанную и созданную при восторженном и полном сотрудничестве с главной героиней, бойкотировали из благочестивых намерений и подозрений в том, что опубликованная книга ложно изображает жизнь Дианы.

Что же касается самой героини, то она чувствовала освобождение, потому что наконец-то ее история увидела свет. И в то же время отчаянно беспокоилась, что ее история прикрытия не выдержит критики. У нее должна была оставаться возможность отрицать свою причастность перед всем дворцом, который готов был отправить ее на скамью подсудимых.

Это была та роль, которую Диана сыграла с достоинством. Клив Джеймс, писатель и телезвезда, с теплотой вспоминал о том, как спросил ее за обедом, была ли она причастна к книге. Он писал: «По крайней мере однажды она откровенно солгала мне. „Я действительно не имею ничего общего с книгой Эндрю Мортона, – ответила она и добавила: – Но мне пришлось поддержать своих друзей, после того как они пообщались с ним“. Она смотрела мне прямо в глаза, когда говорила это, поэтому я видел, насколько убедительной она может быть, рассказывая чушь».

Разумеется, первые несколько дней после первоначальной публикации были испытанием решимости Дианы на пределе возможностей. Вскоре, однако, она начала получать поддержку от публики, которая всегда так много значила для нее. Несмотря на то, что образ Дианы в глазах общественности претерпел колоссальные изменения после рассказанной ею истории, я не думаю, что принцесса когда-либо по-настоящему задумывалась о последствиях своих действий. Позже, когда ей задали этот вопрос, ее ответ был неуверенным: «Не знаю. Может быть, люди понимают лучше, может быть, есть множество женщин, которые точно так же страдают, но в совершенно другом окружении и не могут постоять за себя, потому что их самооценка снижена вдвое». И вновь ее интуиция подсказала ей единственно верный ответ. Тысячи женщин, в большинстве своем из Америки, рассказывали, как благодаря прочтению книги о ее жизни они многое открыли для себя и обнаружили что-то важное в собственных жизнях. Приходило огромное количество писем. Многие были от людей, страдавших расстройством пищевого поведения и уже молча смирившихся со своей судьбой. Лично для меня самым трогательным примером служит письмо от страдающей булимией молодой женщины из Перта в Западной Австралии. Она не умела толком ни читать, ни писать, но поклялась стать более образованной и исправить свою жизнь, так как вдохновилась личным мужеством Дианы. Весьма необычный случай – и он очень многое значил для принцессы.

За прошедшие годы выдвигалось множество предположений о том, что она сожалела о своем участии в книге; о том, что она предоставила мрачное фото трудного периода ее жизни. Правда заключается в том, что Диана оставила позади то, что сама называла «темными годами» своей жизни, и очень переживала о начале своего путешествия в полноценное будущее. Лорд Паттнэм, кинорежиссер и ее друг, позже вспоминал: «Она полностью владела ситуацией. Она знала, что делает, и пошла на осознанный риск, хотя она была до ужаса напугана. Но клянусь вам, я никогда не слышал от нее ни слова сожаления».

После этого знаменательного события всего лишь за несколько месяцев книга не только изменила мнение общественности в отношении к монархии, но и наконец-то заставила принца и принцессу обратить внимание на их разрушенный брак. Это принесло Диане то, о чем она давно мечтала, – надежду, шанс на самореализацию, свободу и будущее, в котором она сможет стать самостоятельной полноправной личностью.

В последние пять лет и несколько месяцев ее жизни мир был свидетелем того, как укреплялся дух Дианы вместе с качествами, которые, я уверен, были бы похоронены, если бы ей не хватило смелости и решимости рассказать общественности о ее реальной жизни. Диана достигла этой цели и об общественном отношении можно судить по горе цветов возле Кенсингтонского дворца и во всем мире и по тому горю, что потрясло не только ее родную страну, но и всю планету 31 августа 1997 года, когда она безвременно погибла в автокатастрофе в Париже.

Ее больше нет, но слова ее с нами навечно. История, рассказанная на страницах этой книги, слетела с ее уст. Без камер, репетиций, вторых дублей и музыкального фона. Ее слова шли из самого сердца, описывая в красочных и порой мучительных деталях то горе и одиночество, что испытывала женщина, которой восхищаются и которую обожают во всем мире.

Когда писалась книга, все ее свидетельства использовались словно бы sotto voce[10 - «Вполголоса», музыкальный термин, в английском языке используемый также в переносном смысле как намеренное уменьшение громкости голоса для акцента, когда говорящий создает впечатление невольного произнесения правды, которая может удивить, потрясти или оскорбить. – Прим. пер.] – в качестве прямой цитаты или с отсылкой к третьим лицам. Одна из неизменных горестей ее жизни заключалась в том, что, по словам ее брата, у нее никогда не было возможности «петь публично». После ее смерти я наконец-то смог включить в новое издание книги расшифровку ее слов без прикрас. Но даже тогда ограниченность технологий не позволила нам показать все то, что мы хотели бы. Например, в одном случае Колтерст брал интервью под прикрытием осмотра и лечения травмы плеча принцессы; к сожалению, машина, на которой он в тот день приехал, оказалась слишком близко к микрофону, заглушая их разговор и создавая помехи в записи. На сегодняшний день, благодаря достижениям в области современных технологий, нам удалось извлечь ее слова, и теперь я могу поделиться более подробным описанием ее жизни, сделав интервью действительно уникальным.

Как вы можете увидеть, этот том разделен на три части: первая – отредактированная стенограмма интервью Дианы, которое легло в основу первой публикации книги, вторая – сама биография; последняя часть представляет собой отчет о последствиях с момента публикации книги в 1992 году и до наших дней.

Если бы Диана дожила до преклонных лет, вероятно, она бы сама в какой-то момент написала свои собственные мемуары. К сожалению, это невозможно. Все свидетельства, представленные ниже, – история ее жизни, которую она хотела рассказать. Теперь ее слова – это все, что у нас есть, ее завещание, самая близкая к ее автобиографии история. Никто не может ей в этом отказать.

Диана, принцесса Уэльская

История, записанная с ее слов

Заметка издателя: все последующие слова выбраны и отредактированы из обширных записей интервью, данных Дианой, принцессой Уэльской, Эндрю Мортону в 1991–1992 годах для публикации книги первого издания под названием «Диана. Ее истинная история».

Детство

На самом деле, моим первым воспоминанием был запах внутри моей детской коляски. Запах пластика и капюшона. Я родилась дома, а не в больнице.

Самым сильным потрясением в те годы было решение мамы сбежать. Это наше общее яркое детское воспоминание, которое у нас осталось – у всех четверых. У каждого из нас есть своя точка зрения на то, что должно было случиться и что

произошло в действительности. Люди выбирали чью-то сторону. Многие не разговаривали друг с другом. Для нас с братом это был очень неприятный и болезненный опыт.

В один из дней Чарльз[11 - Чарльз Спенсер – младший брат Дианы. – Прим. ред.] сказал мне, что он не понимал, как сильно повлиял на него развод родителей, до тех пор, пока сам не женился и не начал вести свою собственную жизнь. Сестры же взрослели не на наших глазах. С ними мы виделись в каникулы. Я не помню, чтобы это было чем-то особенным.

Я боготворила свою старшую сестру и занималась всей ее стиркой, когда она возвращалась из школы. Я собирала ее чемоданы, наполняла ванну, застилала ее постель – и тому подобное. Я делала все это и думала, что это замечательно. Вскоре я поняла, что это была не очень хорошая идея. Я всегда очень заботилась о своем брате. Две мои сестры были очень независимыми.

У нас постоянно менялись няни, потому что папа был очень привлекательным разведенным мужчиной и отличной приманкой для некоторых. Мы склонялись к мнению, что няни приходили скорее ради него, а не для того, чтобы присматривать за мной и моим братом. Если они нам не нравились, мы подкладывали булавки им на стул и выбрасывали всю одежду в окно. Мы всегда думали, что они представляют угрозу, потому что они пытались занять место мамы. Все они были очень молоды и достаточно хороши собой. Их выбирал мой отец. Было ужасно утомительно возвращаться из школы и обнаруживать дома новую няню.

Я всегда чувствовала себя непохожей на других, была отстраненной. Я знала, что мне предстоит уехать в другое место, но я тогда понятия не имела, куда именно. Когда мне было тринадцать, я сказала своему отцу: «Я знаю, что выйду замуж за кого-то, кто всегда в центре внимания общественности», – предполагая, что буду женой посла – не самого высшего ранга, но близкого к нему.

Наше детство было очень несчастливым. Родители постоянно были заняты выяснением отношений. Я все время видела нашу маму плачущей. Папа никогда не разговаривал с нами об этом. Мы никогда не могли задавать вопросы. Слишком часто менялись няни, во всем чувствовалась постоянная нестабильность. В целом мы были очень отстранены ото всех и несчастны.

Помню, в четырнадцать лет я считала, что я безнадежна, что у меня ничего не получается, потому что брат всегда сдавал школьные экзамены, а я постоянно была на грани отчисления. Я не могла понять, почему я, как мне казалось, доставляла всем неудобства, позже я отчасти воспринимала себя заменой сына, который умер еще до моего рождения. И родители просто сходили с ума, мечтая о сыне, наследнике; а тут на свет появляется третья дочь. Какая жалость, придется попробовать еще раз. Теперь я это понимаю. Я давно знала об этом и сейчас понимаю, что все нормально. Я принимаю это.

Я безумно любила животных, морских свинок и им подобных. У меня было огромное количество кроликов, морских свинок и хомяков. Хомяки размножаются быстрее многих других; а я никак их не разделяла. У каждого из них были имена, но я не могу вспомнить самого первого. У нас было нескончаемое количество животных. Но все они умирали. Помню, когда это произошло с золотой рыбкой, ее спустили в туалет. Кроликов всегда хоронили под деревом в коробках из-под обуви Clarks[12 - Компания C&J Clark Ltd основана в 1825 году. Clarks – крупнейший производитель повседневной обуви в мире. По статистике, 30 % школьников в Великобритании носят туфли и ботинки Clarks. – Прим. ред.].

На моей постели было двадцать плюшевых игрушек, которые каждую ночь занимали все пространство в моей кровати, оставляя малюсенькое место для меня.

Я обожала каждую из них. На каждой из игрушек был мой бейджик из подготовительной школы – Д. Спенсер.

Такой была моя семья. Я ненавидела темноту, и в то же время она меня очаровывала, и пока мне не исполнилось десять, всегда за дверью должен был гореть свет. Я слышала, как плачет мой брат в своей постели в другом крыле дома, плакал он из-за мамы, он тоже был несчастен, как и мой отец в другом крыле дома, и это было так тяжело. Мне никогда не удавалось набраться смелости, чтобы выбраться из постели и подойти к брату. Я помню это и по сей день.

Я помню, как на моих глазах отец ударил мать по лицу. Я пряталась за дверью, а мама плакала. Помню, мама плакала навзрыд и каждую субботу, когда мы поднимались к ней или приезжали на выходные; в каждый субботний вечер она начинала плакать, и это было уже традицией. «В чем дело, мама?» – «О, я просто

не хочу, чтобы вы завтра уезжали…» И это, знаете ли, было катастрофой для девятилетнего ребенка. Помню и самое мучительное решение, которое мне когда-либо приходилось принимать. Я была подружкой невесты у своей двоюродной сестры и должна была посетить репетицию свадьбы, но для этого нужно было быть элегантной и подобрать платье. Моя мама подарила мне зеленое платье, а папа – белое, и оба эти платья были такими изящными, что я до сих пор не могу вспомнить, какое из них я в итоге надела, но я помню, как тяжело переживала, потому что выбор платья по сути демонстрировал, словно я делаю выбор в пользу одного из родителей.

Помню и то, как мне предстоял серьезный разговор с судьей, который должен был приехать в Риддлсворт[13 - Подготовительная школа Дианы. – Прим. пер.] и спросить, с кем из родителей я предпочла бы жить. Судья так и не появился, но тут внезапно в нашей жизни возник мой отчим[14 - Питер Шанд Кидд. – Прим. ред.]. Это произошло, когда я и мой брат Чарльз отправились в Лондон. Тогда я спросила у мамы: «Где же он? Где твой новый муж?», она ответила: «Он у билетной кассы». И там стоял очень красивый мужчина, которого впоследствии мы полюбили и приняли его, он же был очень мил к нам и страшно избаловал. И было очень приятно быть избалованной, потому что родители, живя по отдельности, не были к этому расположены. Питер же держался подальше от их проблем. Он был немного маниакальным или даже слегка маниакально-депрессивным. Он сам был для себя злейшим врагом. Так что, когда у него было плохое настроение, мы просто старались держаться подальше. Если он выходил из себя, то он действительно выходил из себя. Для нас это никогда не было проблемой.

По сути, мы с Чарльзом не могли дождаться момента, когда станем независимыми, чтобы расправить крылья и заняться своим делом. Мы стали совсем другими в школе, потому что наши родители были в разводе, в то время как родители других учеников – нет. Но спустя пять лет, к моменту окончания подготовительной школы, все изменилось: родители почти каждого ученика развелись.

Я всегда отличалась от остальных. Постоянно чувствовала внутри, что была другой. Не знаю почему. Я даже не могла кому-то сказать об этом, но эта мысль всегда была со мной.

Развод родителей помог мне наладить отношения со всеми, кто переживал из-за проблем в семье, не важно, был ли это синдром отчима, когда тот уделял

излишнее внимание падчерице, или проблемы с матерью или что-либо еще, – я понимала это. Я была рядом и помогала справиться.

Я всегда хорошо ладила со всеми: не важно, был ли это садовник, местная полиция или кто-то еще – я всегда подходила поговорить. Мой отец часто повторял: «Относись к каждому как к личности, никогда не выпячивай свой статус».

Каждое Рождество и день рождения папа усаживал нас за стол, и нам давалось 24 часа, чтобы написать благодарственные письма в ответ на подарки. Теперь же, если я этого не сделаю, то впадаю в панику. Если я возвращаюсь с праздничного ужина или другого мероприятия, которое подразумевает благодарственное письмо, даже в полночь сажусь и пишу его, чтобы не ждать следующего утра, потому что иначе меня замучает совесть. Уильям перенял от меня эту привычку, и это здорово. Приятно, когда все стороны ценят друг друга.

На каникулы нас всегда отправляли в Сандрингем[15 - Резиденция королевы в Норфолке. – Прим. пер.]. Раньше постоянно ходили смотреть фильм «Пиф-паф, ой-ой-ой»[16 - Детский мюзикл 1968 года, в оригинале Chitty Chitty Bang Bang. – Прим. пер.]. Как мы ненавидели этот фильм! Я терпеть не могла проводить там время. Атмосфера всегда была очень странной, стоило только приехать, и я постоянно пиналась и дралась с каждым, кто пытался заставить нас сходить на этот фильм. Папа был очень настойчив, потому что мое поведение было очень грубым. А я говорила, что не хочу смотреть «Пиф-паф, ой-ой-ой» третий год подряд. Каникулы всегда были очень мрачные, потому что длились они около четырех недель. Две недели – у мамы, две недели – у папы и душевная травма от переживаний и перемещений из одного дома в другой, где каждый родитель пытался восполнить все негативные эмоции материальными благами вместо чувств и объятий, которых мы оба жаждали, но ни один из нас не получал этого. Когда я говорю «ни один из нас», имею в виду меня и брата, с которым мы держались вместе, пока наши две старшие сестры учились в частной школе и их не бывало дома.

Дни рождения, разумеется, были настоящим праздником. Однажды отец даже заказал верблюда, который катал нас по лужайке. Он заполучил его из зоопарка Бристоля. Дни рождения были хорошим временем. Папа обожал вечеринки. Но по-прежнему не было ни руки на плече, ни объятий. Всегда было что-то другое.

Я всегда хотела получить на день рождения коляску или куклу. Всегда была одержима куклами и колясками. А еще собирала фарфоровые фигурки – всевозможные сказочные персонажи и крошечные кролики. Я имею в виду, все эти вещи были маленькими, и это казалось мне просто восхитительным.

Школьные годы

Я обожала свою подготовительную школу в Риддлсворт-Холле. Однако там я чувствовала себя отверженной, потому что большую часть времени была занята тем, что присматривала за отцом, пока неожиданно для себя не осознала, что мне предстоит быть вдали от него. Поэтому я часто угрожала ему: «Если ты меня любишь, ты не оставишь меня там», – что в то время было достаточно грубо по отношению к нему. На самом деле, мне нравилось в школе. Я была очень непослушной в том смысле, что мне все время хотелось смеяться и слоняться без дела, а не сидеть в классе в четырех стенах.

Помню школьные спектакли и восторг, когда наносила макияж.

Например, был один из рождественских спектаклей, где я была одним из волхвов, которые подходили поклониться малышу Иисусу. В другом я была голландской куклой или чем-то в этом роде. Мой важный момент. Но я никогда не выдвигала свою кандидатуру на участие в пьесе. Никогда не читала во время школьных уроков. Сидела тихо. Когда же меня просили поучаствовать, то ставила условие, что готова сделать это, если не придется говорить.

Моим первым спортивным достижением стали прыжки в воду, за что я получила свой кубок. На самом деле, я выигрывала его четыре года подряд! Я всегда выигрывала все кубки по плаванию и прыжкам в воду. Выигрывала всевозможные призы за лучшее содержание морской свинки – может быть, потому что моя была единственной в секции морских свинок. Но об успехах в учебе можно было забыть!

В школе нам разрешали спать только с одной плюшевой игрушкой. У меня был зеленый бегемот, которому я раскрасила глаза светящейся в темноте краской, поэтому по ночам казалось, будто бы он смотрит на меня, – я все еще ненавидела темноту.

Меня чуть не исключили из-за одного ночного происшествия. Кто-то сказал мне: «Готова рискнуть?» Я подумала: «Почему бы и нет? Жизнь такая скучная». И они отправили меня в 9 часов пройти по дороге длиной в полмили в кромешной тьме. Я должна была выйти и забрать конфеты у ворот у кого-то по имени Полли Филлимор, кажется, так ее звали. Я пришла на место, но там никого не было. Я спряталась за воротами, когда въезжали полицейские машины. Больше я об этом не думала. Я видела, как в школе загорелся свет. Испугавшись, побрела обратно и обнаружила, что какая-то дуреха в моей спальне сказала, что у нее аппендицит. Потом они спросили: «Где Диана?» – «Я не знаю, она куда-то делась».

Обоих моих родителей вызвали в школу – тогда они уже были разведены. Папа был в восторге, а мама сказала: «Не думала, что ты способна на подобное». Никакого выговора за этим не последовало. Множество девочек проделывали это и раньше – думаю, они встречались с мальчиками или что-то в этом роде, и их исключали. В нашем коллективе происходило много всего, а я просто присоединялась к ним, чтобы немного развлечься. Мне было где-то одиннадцать или двенадцать лет.

Я ела, ела и ела. Это стало отличной шуткой: давайте заставим Диану съесть на завтрак три порции копченой селедки и шесть кусочков хлеба, и я съедала все это.

Моя сестра [Джейн] была старостой в West Heath School, и в свой первый семестр я вела себя просто отвратительно. Я была задирой, потому что думала, как это замечательно, иметь сестру-старосту. Я чувствовала себя очень значимой, но уже во втором семестре мне воздали по заслугам те, с кем я ужасно себя вела, но к третьему семестру я успокоилась и все уладила.

Помню еду – ужас! Еда была просто отвратительной. Там был огромный, недавно построенный зал. И я прокрадывалась ночью, с наступлением темноты включала музыку и часами занималась балетом в этом огромном зале, и там никто никогда меня не находил. Все мои друзья знали, где я пропадала, когда ускользала из комнаты, я же освобождалась от колоссального психологического напряжения. Сейчас я это осознаю в полной мере, но тогда это казалось просто хорошей идеей.

Мне нравились все предметы. История очаровала меня. Я восхищалась Тюдорами и Стюартами. Подумать только, эти люди жили много лет назад. Я никогда не ожидала, что стану частью системы, что обо мне тоже напишут в книгах. Во время уроков английского я полюбила такие романы, как «Вдали от обезумевшей толпы»[17 - Т. Харди. Вдали от обезумевшей толпы. М.: АСТ, 2015. – Прим. пер.] и «Гордость и предубеждение»[18 - Д. Остин. Гордость и предубеждение. М.: ЭКСМО, 2019. – Прим. пер.]. Но при подготовке к выпускным экзаменам приходится досконально изучать каждую строчку, поэтому это стало скорее обязанностью, а не удовольствием. Я сдавала пять экзаменов и за большинство из них получила двойки. Это даже не проходной балл. Помню, когда я писала эссе, то написала в десять раз больше, чем следовало. Это просто вышло из-под пера. Снова и снова.

Но я и подумать не могла, что окажусь в такой ситуации, где мне придется использовать всю полученную информацию. Я просто предполагала, что там будет лишь часть курса, которую мы только что изучали. Если бы сейчас я могла выбрать предмет для изучения, я бы выбрала науку о людях. О сознании. Совершенно определенно о сознании. Я хотела бы изучать психологию.

В школьные годы я играла на пианино. Занималась чечеткой, которую обожала, теннисом, была капитаном команды по нетболу[19 - Игра, вариант баскетбола, только для девочек. – Прим. ред.]; меня называли клюшкой из-за роста. Я была одной из самых высоких в команде. Я безумно любила проводить время на свежем воздухе, раз в неделю навещала пожилых людей, раз в неделю ходила в местную психиатрическую больницу. Мне очень нравилось этим заниматься. Это было своего рода началом собственного большого дела. Затем, когда я доучилась до старшей школы, у всех моих подружек были парни, но не у меня, потому что я каким-то образом понимала, что должна вести себя очень осторожно, чтобы ни происходило на моем жизненном пути.

Подруг всегда было больше, чем друзей. Я всегда проводила время с девочками, а не с парнями. Но у меня не было настоящих друзей на долгие годы.

Я не была хорошим ребенком, в том смысле, что я была дьяволенком. Всегда искала неприятности. Да, я была популярна. Я не выкрикивала ответы во время уроков, потому что не была уверена, что знаю их. Но всегда знала, как себя вести. Когда стоит помолчать, а когда можно пошуметь. Я всегда умела подстраиваться под ситуацию. Но всегда чувствовала, что отличаюсь от остальных, как будто была не на своем месте.

Я влюблялась, по-настоящему влюблялась в разных людей, особенно в бойфрендов моей сестры. И если их когда-нибудь исключали из ее списка претендентов, я брала инициативу в свои руки. Мне было их так жаль, потому что все они были очень милыми. Это абсолютная правда. В любом случае, это был полный провал.

Переезд в Элторп

Мы переехали в Элторп, что располагается в Нортгемптоншире, когда мне было тринадцать. И тот факт, что мы покинули Норфолк, стал для меня тяжелым ударом, ведь там жили все, с кем я провела свое детство. Нам пришлось переехать из-за смерти дедушки, и жизнь резко изменилась, потому что судьба преподнесла нам еще один сюрприз: в нашей жизни, якобы случайно, появилась Рейн, моя мачеха. Она в некотором роде старалась подружиться с нами, неожиданно находила нас на различных мероприятиях, присаживалась рядом и осыпала нас подарками, но мы все так сильно ее ненавидели, потому что думали, что она заберет у нас папу, однако в действительности она переживала о том же.

Она была очень умна и хотела выйти за моего папу; это была ее цель, вот и все. Я сидела и держала всю злость в себе долгие и долгие годы, и пару лет тому назад [1989], в сентябре, во время свадьбы моего брата, я рассказала ей, что о ней думала и что никогда еще не испытывала такого гнева. Это было связано с тем, что моя мачеха и мой отец были очень грубы с мамой на репетиции перед свадьбой [Чарльза]; они отказывались говорить с ней, даже сидя рядом с ней на одной церковной скамье. Я думала, что хотя бы на один день, ради моего брата, мы все сможем вести себя как взрослые люди и справиться с этой ситуацией. Я считала, что так нельзя. Поэтому взяла на себя ответственность озвучить обиды всех членов моей семьи. И это было очень тяжело. После этого отец полгода не разговаривал со мной. Рейн не разговаривает со мной до сих пор. Но я заступилась за маму, и она сказала, что впервые за последние 22 года кто-то заступился за нее. Я высказала все, что только могла. Рейн тогда сказала: «Ты даже не представляешь, сколько боли твоя мать причинила твоему отцу». Я ответила: «Боли, Рейн? Это слово, определение которому вы даже не знаете. На своей должности и в своем положении я вижу людей, страдающих так, как вы никогда раньше даже не видели, и это вы называете болью? Вам многому стоит

научиться». Помню, что готова была вцепиться ей в глотку – так была разгневана. Я сказала: «Я так сильно тебя ненавижу. Если бы ты только знала, как сильно все мы тебя ненавидим за то, что ты сделала. Ты разрушила наш дом, тратила деньги отца, и все ради чего?»

Болезнь отца Дианы

И он пережил инсульт, кровоизлияние в мозг. Он страдал от головных болей, принимал дисприн и никому не говорил об этом. У меня было тревожное предчувствие, что он заболеет, пока я гостила у друзей в Норфолке. Они спрашивали: «Как твой отец?», а я отвечала: «У меня такое странное чувство, что он вот-вот упадет, и если он умрет, то он умрет немедленно; если этого не случится, он будет в порядке». Я слышала, как я это произнесла, и больше не думала об этом. На следующий день зазвонил телефон, и я сказала хозяйке, что это по поводу папы. Так и было. Он потерял сознание. Я была пугающе спокойна, вернулась в Лондон, приехала в больницу и обнаружила, что папа смертельно болен. Мне сказали, что он умирает. Мозг был поврежден, а мы увидели Рейн с неожиданной для нас стороны, так как она фактически преградила нам вход в больницу; она не собиралась позволять нам увидеться с папой.

Моя старшая сестра взяла на себя ответственность и иногда заходила повидаться с ним. Между тем он не мог говорить после трахеотомии, поэтому не мог спросить, где остальные его дети. Бог знает, о чем он тогда думал, потому что никто ничего ему не говорил. Как бы то ни было, ему стало лучше, и его характер буквально изменился. Он был одним человеком до и, безусловно, стал другим после произошедшего. Он стал отчужденным, но любящим. Если он приходил и видел меня, то он действительно видел, если нет, то нет. Больше это не было моей проблемой.

О брате

Я всегда считала его мозгом нашей семьи. До сих пор так считаю. Он отличник, и этим все сказано. Если не говорить про общение с людьми и о том, как

справляться с некоторыми ситуациями. Думаю, что мой брат, будучи самым младшим и единственным мальчиком, был просто бесценным, потому что Элторп – великое место, которое заслуживает наследника. Помните, я была девочкой, которая должна была быть мальчиком. Быть третьей наследницей в очереди – хорошая позиция: мне сошло с рук убийство. Я была любимицей отца, в этом нет никаких сомнений. Вы знаете, что он не разговаривал со мной с июля? Невероятно. И он не вручил мне подарок на день рождения, вообще ничего. Он говорит, что собирается за ним в Париж. Он думает, что, позвонив мне и сказав о том, что собирается в Париж, приведет меня в восторг. Мне не нужен подарок из Парижа. Я просто хочу его увидеть. В любом случае. Он уже не тот, что был раньше, до инсульта.

Я всегда старалась быть так же хороша, как и Чарльз на уроках. Я никогда ему не завидовала. Всегда очень его понимала. По некоторым вопросам он уже достаточно зрелый, в других же – совсем как ребенок. Но, ради бога, этого следовало ожидать от единственного мальчика. Он так похож на меня, в отличие от наших двух сестер. Я понимаю, что он один из лучших. И Чарльз всегда будет страдать, потому что он такой же, как я. В нас есть что-то, что привлекает это чувство. В это же время мои сестры счастливы в блаженном неведении в отношении множества вещей.

Окончание школы

В первый месяц после окончания учебы[20 - В институте Альпин Видманет в Швейцарии. – Прим. ред.] я написала около 120 писем. Я чувствовала себя такой несчастной там, поэтому писала, писала и писала. Я чувствовала себя не на своем месте. Научилась кататься на лыжах, но так ни с кем и не нашла общий язык. Испытывала приступы клаустрофобии, несмотря на то, что мы были в горах. Я провела там один семестр. Потом, когда выяснилось, сколько стоило отправить меня туда, я сказала родителям, что это пустая трата их денег. Так что вскоре они вернули меня назад.

Родители сказали: «Ты не можешь переехать в Лондон, ты не можешь снимать квартиру, пока тебе не исполнится восемнадцать». Поэтому я отправилась в Хедли, что недалеко от Бордона в Хэмпшире, где работала с семьей Уитакер, Филиппой и Джереми. Я присматривала за их единственной дочерью

Александрой и жила вместе с ними. Все было хорошо. Мне не терпелось отправиться в Лондон, ведь я тогда верила, что, как в поговорке, что у соседа трава зеленее.

Незамужняя девушка в Лондоне

Было здорово жить в одной квартире с девушками. Мне безумно нравилось. С ними я много смеялась. Проводила время наедине с собой. Мне не нужно было полностью планировать расписание, я любила быть сама по себе и до сих пор люблю – невероятное удовольствие.

[О работе няни] Работодатели зачастую были довольно угрюмыми дамами с бархатными ободками для волос. Сестры направляли меня к разным людям – тогда число их друзей стремительно росло. Они все время меня куда-то направляли – это было блаженство. Кадровое агентство «Реши свои проблемы» отправило меня на уборку помещения, но никто меня даже не поблагодарил. Но эта работа была лишь дополнительной по вторникам и четвергам, потому что по понедельникам, средам и пятницам я работала в детском саду. Так у меня было две работы, что было замечательно.

Я прошла кулинарные курсы в Уимблдоне у миссис Рассел. Она француженка. И мне очень нравился процесс, гораздо больше «бархатных ободков». Я ужасно поправилась, потому что мои пальцы постоянно были в кастрюлях, за что меня штрафовали. Это была не моя идея, так хотели родители. В то время это казалось лучшей альтернативой, чем работать за печатной машинкой, – и я получила диплом!

Знакомство с принцем Уэльским

Я знала ее [королеву] с самого детства, так что в этом не было ничего особенного. Меня не интересовали ни Эндрю, ни Эдвард – честно говоря, никогда не обращала внимания на Эндрю. Я все время мысленно говорила себе: «Посмотри, какая у них жизнь, это просто ужасно», поэтому я помню, как в

Элторп приехал он, мой муж. Первое, что я подумала: «Боже, какой грустный человек». Он приехал со своим лабрадором Харви. Сестра крутилась вокруг как одержимая, и тогда я подумала: «Боже, он, должно быть, ужасно ненавидит все это». Я держалась от них подальше. Помню себя полной, неповоротливой, недалекой леди без макияжа, зато очень шумной, и ему это понравилось. Он подошел ко мне после ужина, мы потанцевали, и он сказал: «Вы покажете мне галерею?» И я уже готова была это сделать, но тут подошла моя сестра Сара и велела мне убираться вон, на что я ответила: «По крайней мере позволь объяснить, где располагаются выключатели в галерее, потому что иначе ты этого не узнаешь», – и скрылась. Он был очарователен, и когда и на следующий день рядом с ним оказалась я, шестнадцатилетняя, к которой кто-то проявил хоть какое-то внимание, моему удивлению не было предела: «Почему кто-то его уровня заинтересовался мной?» Но он интересовался. И все это продолжалось почти два года. Я видела его с Сарой и без нее, и Сара была в безумном восторге от всего, что происходило вокруг. А потом она заметила то, чего не замечала я: что-то идет не так. Выяснилось это на балу в честь его тридцатилетия, куда я тоже была приглашена.

«Почему Диана тоже идет?» – спрашивала сестра, я ответила, что не знаю, но очень хотела бы пойти. Она сказала «ну ладно» или что-то в этом духе. Чудесно потанцевали – просто потрясающе. И меня совсем не пугал Букингемский дворец: тогда я думала, что это потрясающее место.

Затем в июле 1980 года Филипп де Пасс пригласил меня погостить в их фамильную резиденцию. «Не хотела бы ты приехать и остаться у нас на пару ночей в Петсворте? Потому что у нас остановился принц Уэльский, а ты юна и можешь составить ему приятную компанию». На что я ответила согласием. Мы присели, и тут вошел Чарльз. Он не отрывал от меня взгляда, и это было очень странно. Я тогда подумала: «Это совсем нехорошо». Я полагала, мужчины не должны проявлять свое внимание так очевидно, мне это показалось очень странным. Первый вечер мы провели, сидя на тюках на барбекю неподалеку от дома. Чарльз тогда только расстался с Анной Уоллес. Я сказала ему: «Вы выглядели таким грустным, когда шли по проходу на похоронах лорда Маунтбеттена. В жизни не видела ничего трагичнее. У меня сердце кровью обливалось, когда я смотрела на вас». Я тогда подумала: «Это плохо, что ты так одинок, а должен быть с кем-то, кто заботился бы о тебе».

В тот же миг он практически набросился на меня, и я подумала, что это тоже очень странно. Я не знала, как себя вести. Как бы то ни было, в тот вечер мы

говорили о многих вещах, но и только. Холодность – не совсем подходящее слово. Если на то пошло, то Холодность с заглавной «Х». Он сказал: «Ты должна поехать со мной завтра в Лондон. Мне нужно работать в Букингемском дворце, и ты должна поработать со мной». Я подумала, что это слишком, и ответила, что не могу, а сама подумала в тот момент: «И как я объясню свое присутствие в Букингемском дворце, когда я должна быть у Филиппа?»

Позже он пригласил меня в Коуз, на остров Уайт, на «Британию», его яхту, где у него было много старых друзей. Я была напугана, а они все крутились вокруг меня.

Я чувствовала себя очень странно; разумеется, пошли слухи.

Я колебалась, а позже уехала к своей сестре Джейн в Балморал, где Роберт Феллоуз, муж Джейн, служил помощником личного секретаря королевы. Я была в ужасе, потому что еще никогда не бывала в Балморале и хотела все сделать правильно. Ожидание оказалось страшнее действительности. Все хорошо, стоит только пересечь порог. У меня была нормальная односпальная кровать! Просто должна об этом сказать. Сейчас у меня двуспальная кровать, но она служит односпальной. Я всегда сама упаковывала и распаковывала свои вещи. Сейчас, конечно, я этого не делаю – нет времени. Но меня всегда возмущало, что [принц] Чарльз постоянно берет с собой двадцать две единицы ручной клади. Не говоря уже об остальном. У меня всегда четыре или пять. Даже неловко.

Я оставалась в замке из-за внимания прессы. Все посчитали это хорошей идеей. Мистер и миссис Паркер-Боулз были там все время моего визита. Среди них я была самой младшей. Чарльз звонил мне и спрашивал: «Не хочешь пойти прогуляться, отправиться на пикник?» На что я отвечала: «Да, пожалуйста», – и думала, что все просто замечательно.

Предложение

Вот так все и развивалось, а позже за это ухватилась пресса. В нашей квартире стало просто невыносимо, но три мои соседки были замечательные, звездочки, невероятно преданные. В Сандрингеме мне хотелось, чтобы принц Чарльз поторопился и разобрался со всем. Королева была сыта по горло происходящим.

Он написал мне из Клостерса, а позже позвонил и сказал: «У меня к тебе очень серьезный вопрос». Женская интуиция подсказала мне, в чем дело. Всю ночь я просидела с девочками, повторяя: «Господи, что мне делать?»

К тому моменту я уже поняла, что рядом был кто-то еще. Я слишком часто останавливалась в поместье Болехайд у семьи Паркер-Боулз и не могла понять, почему она [Камилла] продолжает мне повторять: «Не заставляй его это делать, не надо». Она так много знала о том, чем он занимается в одиночку, и о том, чем мы занимались наедине друг с другом… В конце концов мне удалось во всем разобраться и сделать правильные выводы, а люди готовы были обсудить все со мной.

Как бы то ни было, на следующий день я поехала в Виндзор и прибыла около 5 часов. Он усадил меня и сказал: «Я так скучал по тебе». Но с его стороны никогда не было никаких прикосновений. Это было необычно, но мне не с чем было сравнивать, потому что я раньше не встречалась с парнями. Я всегда держалась от них подальше и думала, что от них одни проблемы, и не могла справиться с эмоциями, была очень взвинчена. Во всяком случае, он произнес: «Ты выйдешь за меня замуж?», и я засмеялась. Помню, как подумала: «Это ведь шутка». Ответила ему: «Ага, хорошо», – и засмеялась. Он был чрезвычайно серьезен. Сказал: «Ты должна понимать, что однажды станешь королевой». И внутренний голос подсказал мне: «Ты не будешь королевой, но тебя ждет трудная роль». Тогда я подумала – ладно, поэтому ответила согласием. Я сказала: «Я так сильно тебя люблю, я так сильно тебя люблю». Он ответил: «Что бы любовь ни значила». Тогда он сказал именно это. Тогда я думала, что все это здорово! Я думала, что он это серьезно! Он побежал наверх и позвонил своей матери.

В своей невероятной наивности я полагала, что он безумно влюблен в меня, как это и выглядело, но, если припомнить, у него всегда был какой-то одурманенный взгляд, который не был искренним: «Кто эта девушка, она совсем непохожа?» Но он не мог этого осознать, потому что тоже был крайне неопытен в этих вопросах. Для меня же это было похоже на чувство долга, в самом деле – иди и помогай людям.

Я вернулась в квартиру и села на свою кровать. «Девочки, угадайте что?» Они сказали: «Он сделал тебе предложение. Что ты ответила?» – «Да, пожалуйста». Они закричали и разрыдались, а потом мы поехали кататься по Лондону с нашей тайной. Родителям я позвонила на следующее утро. Папа был в восторге и

сказал: «Замечательно». Мама тоже была в восторге. Помню, как рассказала своему брату, а он переспросил: «За кого?»

После этого через два дня я уехала в Австралию на три недели, чтобы привести мысли в порядок, вместе с мамой составить списки и прочее. Это была полная катастрофа, потому что я тосковала по нему, а он ни разу мне не позвонил. «Очень странно», – думала я. Когда бы я ему ни звонила, его не было на месте, а он никогда не перезванивал. Я подумала: «Ладно». Я просто была великодушна: «Он очень занят одним, другим и третьим». Я вернулась из Австралии, кто-то постучал в мою дверь – кто-то из его секретарей с букетом цветов, и я знала, что они не от Чарльза, потому что там не было записки. Просто в канцелярии принца был кто-то очень тактичный.

Мы влюблялись друг в друга постепенно. Без излишней драматичности. И в одно мгновение все прошло.

Преследование журналистов

Постепенно давление усиливалось, пресса пристально отслеживала каждый мой шаг. Я понимала, что это их работа, но люди не осознавали, что все время держали меня под пристальным наблюдением. Они сняли квартиру напротив, на Олд-Бромптон-роуд, там располагалась библиотека, окна которой выходили на мою спальню, что было некрасиво по отношению к девочкам. Я не могла отключить телефон: вдруг ночью кто-то из их семьи заболеет. Газетчики звонили мне в два часа ночи – они просто сочиняли очередную статью: «Могу ли я подтвердить это или опровергнуть?»

Однажды в Балморале я увидела представителей прессы, поэтому сказала Чарльзу: «Мне стоит отойти в сторону, потому что тебе не нужны осложнения». Поэтому я ушла. И шла долго-долго, до самого берега реки, пряталась за деревом добрых полчаса, пока Чарльз, очевидно, много жаловался и ловил рыбу. Вместо того чтобы светить лицом, я придумала взять пудреницу, чтобы взглянуть на них.

Я провалила первый экзамен по вождению, но сдала во второй раз. Я всегда следила за тем, чтобы успеть проскочить, когда на светофоре загорался

красный, пока журналисты были вынуждены стоять. Иногда я ездила на велосипеде. Они везде преследовали меня. Мы говорим не о паре газетчиков – их было около тридцати. Бабушка сказала: «Может, возьмешь мою машину на выходные? Они продолжают следить за вашим метро». И я одолжила ее серебристый «гольф».

Однажды мне пришлось выбираться из Колхерн-Корта, чтобы поехать к нему [принцу Чарльзу] в Броудлендс. Поэтому мы сняли простыни с моей кровати, и я вылезла с чемоданом из окна кухни, которое выходило в переулок. Вот таким окружным путем.

Я всегда была вежливой, неизменно любезной. Никогда не была грубой, не повышала голос. Я рыдала, как ребенок, запертый в комнате. Я просто не могла с этим справиться. Я плакала, потому что ни Чарльз, ни пресс-служба дворца не поддерживали меня. Они лишь сказали: «Ты сама по себе». Тогда я подумала: «Ладно».

Принц Чарльз не поддерживал вовсе. Когда бы он ни звонил, он говорил: «Бедная Камилла Паркер-Боулз. Я звонил ей сегодня вечером, она жаловалась, что у замка Болехайд полно журналистов. Для нее это так непросто». Я никогда не жаловалась ему на прессу, просто не думала, что имею на это право. Я спросила: «Сколько там журналистов?». Он ответил: «По крайней мере четыре». Я подумала: «Боже, здесь их 34!» – и так и не сказала ему.

Я нашла в себе внутреннюю решимость выжить. Как бы то ни было, слава богу, было объявлено о помолвке и, прежде чем я поняла, что произошло, я была в Кларенс-хаусе[21 - Лондонская резиденция королевы-матери. – Прим. пер.]

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

В оригинале: All the President’s Men – фильм, выпущенный на экраны в 1976 году. – Прим. пер.

2

В оригинале: royal ratpack. Так называют группу журналистов и/или фотографов, которые бестактно и агрессивно преследуют знаменитостей. – Прим. пер.

3

В православии святой Фома. – Прим. пер.

4

Титул, схожий с должностью камергера. – Прим. пер.

5

Речь идет о другом произведении автора – Diana’s Diary: An Intimate Portrait of the Princess of Wales, 1990 год. – Прим. пер.

6

Примерно 1,95 м. – Прим. пер.

7

«Глубокая глотка» – информатор в Уотергейтском скандале (фильм «Вся президентская рать»), о котором автор упоминает и далее. – Прим. ред.

8

Флит-стрит – улица в лондонском Сити, на которой располагалось большинство офисов основных британских газет и информационных агентств. В переносном смысле – цитадель британской прессы. – Прим. ред.

9

В оригинале: Squidgygate или Dianagate – название, данное The Sun, с отсылкой к не менее нашумевшему Уотергейтскому скандалу. – Прим. пер.

10

«Вполголоса», музыкальный термин, в английском языке используемый также в переносном смысле как намеренное уменьшение громкости голоса для акцента, когда говорящий создает впечатление невольного произнесения правды, которая может удивить, потрясти или оскорбить. – Прим. пер.

11

Чарльз Спенсер – младший брат Дианы. – Прим. ред.

12

Компания C&J Clark Ltd основана в 1825 году. Clarks – крупнейший производитель повседневной обуви в мире. По статистике, 30 % школьников в Великобритании носят туфли и ботинки Clarks. – Прим. ред.

13

Подготовительная школа Дианы. – Прим. пер.

14

Питер Шанд Кидд. – Прим. ред.

15

Резиденция королевы в Норфолке. – Прим. пер.

16

Детский мюзикл 1968 года, в оригинале Chitty Chitty Bang Bang. – Прим. пер.

17

Т. Харди. Вдали от обезумевшей толпы. М.: АСТ, 2015. – Прим. пер.

18

Д. Остин. Гордость и предубеждение. М.: ЭКСМО, 2019. – Прим. пер.

19

Игра, вариант баскетбола, только для девочек. – Прим. ред.

20

В институте Альпин Видманет в Швейцарии. – Прим. ред.

21

Лондонская резиденция королевы-матери. – Прим. пер.

Купить: https://tellnovel.com/morton_endryu/diana-the-crown

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити